

НАШ СОВРЕМЕННОК

ОСНОВАН А. М. ГОРЬКИМ В 1933 ГОДУ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

■
ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

8 · 1988

Главный редактор
С. В. ВИКУЛОВ

Редакционная
коллегия:

В. П. АСТАФЬЕВ,
В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
Г. И. БУЗМАКОВ
(зав. отделом очерка
и публицистики),
И. А. ВАСИЛЬЕВ,
В. Ф. ГРАЧЕВ
(зав. отделом прозы),
А. И. КАЗИНЦЕВ
(заместитель главного
редактора),
Г. Г. КАСМИНИН
(зав. отделом поэзии),
В. И. КОЧЕТКОВ,
А. Г. КУЗЬМИН,
С. Ю. КУНЯЕВ,
С. М. ЛУКОНИН
(ответственный
секретарь),
Е. И. НОСОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
В. М. СВИНИННИКОВ
(первый заместитель
главного редактора),
Г. В. СЕМЕНОВ,
Г. В. СЕРЕБРЯКОВ,
И. И. СТРЕЛКОВА,
П. П. ТАТАУРОВ
(зав. отделом критики),
О. А. ФОКИНА,
Л. А. ФРОЛОВ,
А. И. ХВАТОВ,
Н. Е. ШУНДИК.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», МОСКВА

© «Наш современник» № 8

ТУМАН НАД АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОПАСТЬЮ

«**В** МЕРЕННОЕ употребление спиртных напитков или полный отказ от них? — таким риторическим вопросом доктор медицины И. В. Сажин назвал свою книгу, изданную в Москве в 1914 году. Не случайно автор так озаглавил свой труд: в предреволюционной России шла настоящая война между сторонниками абсолютного отказа от спиртного и так называемыми «умеренниками». Победили тогда трезвенники. Очень помогло им авторитетное слово Л. Н. Толстого, который писал: «Только абсолютным воздержанием от спиртного может наша интеллигенция излечить себя и народ от пьянства, а проповедь... умеренного употребления... лишь пустая забава». В 1914 году Россия стала трезвой страной. Это помогло нашим дедам и прадедам совершить величайшую в мире революцию, победить ее врагов в годы гражданской войны, одолеть разруху, развернуть социалистическое строительство, заложить основы победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией!..

Сегодня «умеренники» поутихли, ушли в «подполье», но не сдались.

На днях авторы статьи приобрели в петропавловском магазине «Политическая книга» плакат, якобы пропагандирующий трезвость. На нем изображена семья за обеденным столом. Отец разливает шампанское: себе, жене, сыну, а вот дочери, — гласит плакат, — нельзя, она еще маленькая.

К сожалению, рецидивов «культурного» пьянства еще достаточно.

Убеждены, никому и никогда не удастся научно опровергнуть полезность полного воздержания от спиртного. Однако надо иметь в виду, что «умеренники», отстаивая свою точку зрения, пользуются отнюдь не научными методами.

Сегодня самую большую угрозу утверждению трезвости представляет, пожалуй, множество необоснованных мнений о том, что из-за «косущения» магазинных прилавков наши финансы «затрещали по швам», что, дескать, по этой причине задерживается выдача заработной платы, что «такое безобразие» там, в «центре», долго терпеть не станут и что вообще поторопились мы с ограничением продажи спиртного, а раз так, то надо срочно исправлять «ошибку» — возобновить прежние формы торговли винно-водочными изделиями.

Подобные рассуждения опасны тем, что исходят они отнюдь не от рядовых работников. А люди ответственные, от которых в той или иной мере зависит принятие решения, не всегда искушены в тонкостях таких вопросов. В самом деле, как поступить, скажем, директору предприятия, если главный бухгалтер разводит ру-

ками и говорит: «Денег нет. В банке пусто». В таком случае даже убежденный противник пьянства может поверить в то, что трезвость вредит экономике.

Но все это тоже не ново. Так уже было три четверти века назад. Вот что писал тогда известный врач и общественный деятель А. Л. Мендельсон в книге «Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства», изданной в Петрограде в 1916 году: «18 июля прошлого, 1914 года, по случаю мобилизации, в России последовало повсеместное запрещение продажи казенного вина и всех вообще спиртных напитков.

Произведен небывалый в истории человечества опыт внезапного отрезвления многомиллионного народа, и результаты этого эксперимента, длящегося уже более года, поразительны: сотни миллионов рублей, раньше пропивавшиеся русским народом, потекли в сберегательные кассы: по отзыву министра финансов, покупательная сила русского народа и продуктивность труда заводских рабочих увеличились в чрезвычайной степени, что дает возможность провести в ближайшем будущем крупные финансовые реформы. Словом, мы только теперь начинаем знакомиться с истинною мощью русского народа в экономическом отношении; с другой стороны, только теперь, при полном отрезвлении народа, этого великого молчаливика, перед нами выступают его нравственная физиономия, его настоящая, не затуманенная алкоголем психика...

При открытии Государственной думы 19 июля 1915 года министр финансов П. Л. Барк указал, что недобор доходов за минувший 1914 год выражается в сумме 673,6 млн. руб., причем наибольшая доля недобора, именно 422,8 млн. руб., падает на поступления по казенной винной операции. «Таким образом, — говорил министр, — главная часть нашего дефицита явилась следствием не стихийных причин, а плодом сознательной воли; появление дефицита такого рода не может нас тревожить».

Мы сказали бы больше того: такого рода дефицит должен радовать каждого благомыслящего гражданина: сотни миллионов рублей остались в народном распоряжении непротитыми; улучшилось питание и весь материальный уклад жизни народа, явились сбережения на черный день. При таких условиях брешь, образованная в нашем государственном бюджете вследствие прекращения питейного дохода, может быть скоро устранена с соблюдением забот о телесном и нравственном здравии народа, который впредь не должен быть отравляем алкоголем ни под каким видом».

Вот как думали и действовали наши разумные предки.

Мы тоже постигли некоторые истины.

Уяснили, например, что каждый рубль, полученный от продажи пьянящего зелья, оборачивается потерями для народного хозяйства в полтора-три рубля, что на конец прошлого года недобор денежных средств вследствие кошушения прилавков почти сравнялся с экономическим эффектом от отрезвления народа, что советское общество стало социально активной и уверенно приступило к перестройке во всех сферах своей жизни...

Кстати, куда же деваются деньги, не возвращенные в банк по причине уменьшения продажи спиртных напитков?

Сами по себе бумажки эти несъедобны. Печку или камин ими никто не топит. И за границу их мешками не вывозят. Где же они? Любому из нас известно, что каждый честно заработанный рубль в течение месяца либо через магазины, предприятия службы быта, либо через сберкассы возвращается в руки государства. Следовательно, чисто технических проблем выдачи зарплаты не должно быть. Почему? Попытаемся ответить и на этот вопрос. Причина таких нежелательных явлений в том, что часть денег действительно в конторы Госбанка не возвращается. Объясняется это, во-первых, тем, что вступил в действие Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» (теперь незаработанные деньги спекулянты, взяточники, иного рода ловкачи не несут в сберкассы, а копят дома, надеясь на «лучшие времена»); во-вторых, благодаря экономии на алкоголе каждый ранее выпивавший житель Камчатки ныне получил возможность, отправляясь в отпуск на Большую землю, увезти с собой значительно больше денег, чем раньше. Если их не завозить обратно на полуостров, то денежный дефицит неизбежен.

С общегосударственной точки зрения ничего плохого нет в том, что люди из нашей области отправляются с деньгами на юг страны за здоровьем, чтобы потом лучше работать. Но не перевелись у нас такие «экономисты», «патриоты» Камчатки, которые считают: «Полезнее было бы для области, если бы отпускник устроил пышный банкет по случаю своего отъезда на отдых и оставил бы добрую половину денег тут, на месте». Они вслух, разумеется, не говорят, что этому мешает ограничение продажи спиртных напитков.

Сама мысль с помощью торговли вином и водкой выкачивать из кармана трудящегося честно заработанные им деньги, дабы залатать финансовые бреши, — это нечто большее, чем попытка уйти от решения назревших проблем. Вспомним 1924—1925 годы. Тогда так называемая «новая оппозиция» путем манипуляции ценами создала в стране экономические трудности. Проводимая ее сторонниками политика привела к резкому снижению поступления денег в казну. А это в свою очередь отрицательно повлияло на процесс выдачи зарплаты рабочим и служащим. В результате Советское государство было вынуждено начать продажу водки. Такое, и в этом уверены коммунисты и абсолютное большинство советских людей, не повторится.

Сила государства, его потенциальные возможности определяются не количеством находящихся в обороте денег, а насыщенностью рынка широким ассортиментом пользующихся спросом у населения товаров, надежностью и высоким качеством средств и предметов производства, а главное — телесным и духовным здоровьем его граждан. Ни один самый совершенный станок не даст в нужном количестве добротную продукцию, если душа и тело обслуживающего машину работника изъедены алкоголем. Истина, о которой «забыли» те, кто ратует за обмен денег на водку через прилавок магазина.

Одним из «козырей» в руках противников трезвости является суждение о том, что запрет продажи алкогольных напитков неизбежно-де повлечет за собой массовое самогеноварение, сопровождаемое уничтожением полезных продуктов, а также потреблением различных суррогатов. При этом они ссылаются на «уроки» прошлого, в частности на последствия запрета 1914 года.

Как бы превосходящая события как тех далеких лет, так и наших дней, великий знаток души человеческой Ф. М. Достоевский писал: «Не раз уже приходилось народу выручать себя; он найдет в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдет в себе начала, охраняющие и спасающие, — вот те самые, которых ни за что не находил в нем наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака. И, слава богу, все это, кажется, подтверждается...»

Чтобы вышибить фальшивые «козыри» из рук защитников «культурнопития», еще раз сошлемся на выводы А. Л. Мендельсона, детально изучившего последствия принудительного утверждения трезвости в Петрограде с двухмиллионным населением. Он писал: «Большинство прежних алкоголиков, пройдя через более или менее краткий период недовольства (вследствие отсутствия привычного возбудителя), зажили трезвой жизнью и благословляют запретный закон. Лишь небольшой сравнительно процент тяжелых алкоголиков продолжал и продолжает, во что бы то ни стало, добывать себе опьяняющие напитки, прибегая к таким веществам, как денатурированный спирт, лак, политура, одёколон...»

Не нужно, однако, преувеличивать значение этих новых форм пьянства. Статистика показывает, что потребителями денатурата и политуры являются главным образом глубокие пропойцы, которые и при свободной продаже питья опивались водкой и умирали от опоя. Бывшие алкоголики средней степени теперь ведут совершенно трезвый образ жизни.

Сторонники возобновления продажи пива и виноградного вина считают новые формы пьянства сильным козырем в своих руках, требуя, чтобы в народное обращение были вновь пущены излюбленные ими «слабоалкогольные» напитки, иначе народ-де сопьется денатуратом и политурой. Эти доводы не выдерживают никакой критики:

1) Народные массы не пьют денатурату и пить его не будут, а предаются денатуратному пьянству сравнительно немногочисленные пропойцы, т. е. неизлечимые алкоголики...

2) Потребители новых крепких суррогатных напитков не откажутся от них, так как ни 4-градусное пиво, ни 10—16-градусное виноградное вино не заменят им 50-градусную ханжу...

Ворвавшаяся в нашу жизнь принудительная трезвость своими результатами распропагандировала русский народ в духе трезвенников, и в будущем, без сомнения, сотни тысяч и миллионы будут добровольными трезвенниками. Но не вводите вновь народ во искушение!

Итак, полное запрещение продажи спиртных напитков должно остаться в силе навсегда...

Такими мерами, но, конечно, не ими одними, будет поддерживаться сознательная трезвость в среде населения.

И лишь при совместном действии запретительной системы и добровольного, сознательного воздержания создается великая, трезвая Россия».

Из приведенного отрывка видно, что сторонники запрета вовсе не страдали однобокостью в деле борьбы за трезвость, а имели достаточно реалистическую и гибкую позицию.

А вот как обстояло дело с борьбой против самогонварения уже при Советской власти. Еще 20 декабря 1922 года Совнарком принял постановление, согласно которому половина штрафов, взысканных с самогонщиков, поступала в распоряжение органов милиции. И они заработали активнее. Каждому, кто разоблачал самогонщика, в качестве вознаграждения давали пуд зерна или муки. В результате таких мер к 1924 году резко сократилось количество обнаруженных самогонных аппаратов на сто целенаправленных обсков, уменьшились выявленные самогонщиков запасы произведенного зелья. Этому способствовало, кроме активизации работников милиции, и действовавшее постановление Совнаркома от 19 декабря 1919 года, подписанное В. И. Лениным, дававшее право народным судам наказывать самогонщиков лишением свободы на пять и более лет с конфискацией всего имущества и с обязательными принудительными работами.

О РОЛИ И МЕСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ, АНТИАЛКОГОЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПЬЯНСТВА

Большим алкоголизмом способно вернуть здоровье лишь одно лекарство — полный запрет продажи вино-водочных изделий. Но странное дело, почему-то эта мера воспринимается как насилие по отношению к пьяницам. Об этом кричат, как правило, не сами пленники «зеленого змия», а их самозванные «адвокаты» — «умеренники» и «культуритейщики», по отношению к которым запрет действительно — насилие. Если бы запрет не приводил к принудительной трезвости, то с чего бы «адвокатам» так рьяно нападать на него?

Не выступают же они против воспитания и образования пьяниц, против замены водки винами и пивом. Распространяемые ими страхи о повальном отравлении суррогатами и об увеличении числа тех лиц, которые займутся самогонварением, в случае запрета продажи алкогольных напитков, основаны на той же их боязни принудительной трезвости.

Да, некоторые будут травиться одеколоном, политурой. Да, кое-кто попытается гнать и уже гонит самогон. (Принятый Президиумом Верховного Совета СССР Указ определил меры сурового наказания таких граждан). Однако эти безнравственные действия отдельных граждан вовсе не означают, что большие алкоголизмом не хотят иметь вместо винограда — школы и детские сады, вместо неполноценных, умственно отсталых — здоровых детей, вместо скандалов и неприятностей в семье и на работе — покой и взаимопонимание, обрести подлинное счастье. Это означает лишь то, что попавшие в алкогольное рабство не в силах самостоятельно вырваться из него. Помочь им — долг всех, кто неравнодушен к страдающим людям.

Повторяем, нет надобности убеждать пьяниц со стажем перестать пить. Они рады бы это сделать, да не могут. А вот по отношению к молодежи необходимо было, как того потребовал Центральный Комитет КПСС в принятом три года назад постановлении, безотлагательно «разработать и осуществить единую систему антиалкогольного просвещения». Что же сделано в этом направлении в нашей области? Немногое. В большинстве камчатских школ и профтехучилищ такой системы воспитания нет. Учащиеся знают строение атома, могут рассказать о том, что происходит на Солнце, а вот о том, какое социальное зло, какой опасный для здоровья вирус заключены в бутылку со спиртным, они вам вряд ли скажут.

У наших же дедов и прадедов были отличные школьные антиалкогольные учебники. Один из них — переведенная с немецкого работа Л. Линдрума «Уроки трезвости. Руководство для учащихся и самообразования» (М., 1913) — есть в читальном зале областной библиотеки. На 6-й странице этой книги, например, рассказывается об интересном и удивительном опыте. Воспроизводим его описание. Берем пять пробирок, наполненных наполнину водой, и еще пять, наполнину наполненных этиловым спиртом. В первую пару пробирок с водой и спиртом кладем немного сахара, во вторую — соли, в третью — хлеба, в четвертую — жиру и в пятую пару пробирок — немного белка от круто сваренного яйца. Содержимое пробирок тщательно размешиваем. Что же происходит? Сразу же или через час, или на следующий день мы видим одно и то же: 1) сахар и соль растворяются в воде, но не растворяются в спирте; 2) хлеб и масло размягчаются и плавают на поверхности воды и становятся твердыми, как камень, и тонут в спирте; 3) белок твердеет в спирте, в воде — нет. Вывод: на пищевые продукты алкоголь действует обратно действию воды; следовательно, алкоголь не способствует пищеварению; а

наоборот — мешает ему. Когда школьник в одиночку увидит такой недорогой и нехитрый опыт, то легко себе представить, что он ответит отцу, когда тот предложит ему для аппетита глоток спиртного.

Давно замечено, что практически все люди, испытавшие на себе коварство алкоголя и сумевшие вырваться из объятий «зеленого змия», приходят к одному и тому же выводу. Джек Лондон об этом писал: «И как тот, кто пережил кровавую войну, восклицает: «Долой войну!», — так и я кричу: «Долой алкоголь! Не отравляйте молодые жизни этим ядом!» Единственный способ прекратить пьянство — перестать продавать алкоголь. Китай прекратил всеобщее курение опиума, запретил выращивать его и ввозить в страну. Все философы, священники и врачи могли бы тысячу лет до хрипоты твердить о вреде опиума, но пока яд был доступен, курение его продолжалось. Такова уж человеческая природа!»

Стало быть, в деле преодоления пьянства и утверждения трезвого образа жизни запрет должен служить началом, а антиалкогольное просвещение — продолжением этого великого и святого дела. Пьянство ведь та же гангрена, только социальная. И потому необходимо сперва отсекал источник дальнейшего разложения и тут уж начинать лечить все то, что уцелело.

Сегодня, когда идея полной и всеобщей трезвости перестала считаться признаком сектанства и неблагонадежности, а приобрела достаточно прав для своего законного существования и свободной пропаганды, мы обязаны очистить ее от всякой алкогольной шелухи и лжеотерий. Только при этом условии каждый получит возможность внести свою лепту в сокровищницу народного благосостояния и народного здоровья.

ПРЕОДОЛЕТЬ НАСЛЕДСТВО «КУЛЬТУРНОГО ПИТИЯ»

Жизнь показывает: процесс преодоления пьянства идет не так успешно, как того хотелось бы. Причин тому, разумеется, много, и об одной из них следует поговорить в настоящей статье. Речь идет о так называемой теории «умеренности», теории, которая возникла не сегодня, возникла как защитная сила пьянства, едва только люди осознали необходимость борьбы с потреблением алкоголя. И все эти долгие годы «умеренности», как бы сознавая собственную уязвимость, усиленно прикрывалась флагом трезвости. В самом деле: пьющие ведь считают, что пьют умеренно и в общем-то ведут практически трезвый образ жизни.

Скажем сразу: настоящая трезвость предполагает сознательный и полный отказ от спиртного. Полный отказ! «Умеренные» же допускают алкоголь в так называемых ограниченных дозах и в так называемой культурной обстановке. Словом, они тоже ратуют за трезвость, но трезвость «умеренную».

Бесспорно, что самый опасный враг трезвости — это не алкоголь, при виде которого вряд ли у кого возникнет же-

лание пойти по такой же дорожке. Самый опасный враг — это «культурпитейщик», рассуждающий о невинности символической рюмки и личным примером показывающий: видите, со мной ничего не случилось. С таким же успехом мастер спорта по альпинизму может вскарабкаться по отвесной стенке и сказать восхищенным новичкам: теперь вы лезьте, видите, со мной ничего не случилось! И лезут доверчивые новички, и расшибаются...

В качестве иллюстрации этой мысли следует привести несколько отрывков из классической теперь уже статьи в защиту «культурного пьянства». Статья эта была опубликована в «Неделе» № 33 за 1984 год. «О культуре потребления спиртных напитков мне приходилось говорить много, — пишет автор. — Главное — создать социальные регуляторы, прививающие сдержанное, умеренное отношение к вину... Прежде всего — необходимо «приблизить» еду к питью, потому что самый опасный хмель — натошак... Доброе вино может быть твоим другом, но и ты будь ему другом. И знай меру!»

Вот вся философия, основной вывод которой не маскируется: умеренные дозы спиртного безвредны, сухое вино полезно, а «культурное питье» — ключ к решению проблемы алкоголизма. И что ни слово — то коварная ложь. Во все не случайно в известном постановлении ЦК КПСС сама идея «культурпитейства» квалифицируется как «совершенно нетерпимое» явление.

Тем не менее идея эта изыскивает все новые и новые формы маскировки. Вот, на наш взгляд, еще одна из этих форм — лозунг сокращения производства и продажи алкогольных изделий. Кажется, здесь все верно. Но вот вопрос: до какого уровня сокращать будем? До нуля? Но это уже трезвость, а «культурпитейщики» так вопрос не ставят. Значит, до определенного минимума? Тогда для кого этот минимум предназначен? Для пьяниц? Звучит нехорошо. Для передовиков производства? Тоже плохо... Для начальства? Еще хуже звучит... Получается: для всех понемножку, по праздникам, культурно. Вот и пришли к тому, что уже названо «совершенно нетерпимым» явлением и что сторонники культурного питья своим «минимумом» собираются как раз и проигнорировать.

Мы сказали бы, что внедрение так называемых трезвых обрядов — тоже скрытая форма культурпитейства: людей сажают за стол, наливают в бокалы минеральную воду и заставляют говорить тосты. Словом, пытаются наполнить новым содержанием старые формы, а вековые стереотипы сознания протестуют против этих самых тостов со стаканом воды, нелепость ситуации бьет через край и возникает мыслишка: ах, если бы не эти проклятые трезвенники, сейчас в этом бокале что-то другое было бы... Естественная реакция и обратная тому, что ожидалось. Нет уж, трезвое веселье требует и новых форм, и не сценарии так называемых новых обрядов, а само народное творчество должно выдвинуть эти формы.

До чего же сильна еще эта позиция,

рожденная термином «злоупотребление»! Не в термине беда, а в той идее, которая в нем заключена. Ведь если есть употребление «во зло», значит, и «не во зло» тоже есть? Смотрите, что черным по белому написано в книге «Школьник о вреде никотина и алкоголя» В. Н. Ягодинского: «В этой книжке мы постараемся убедить тебя, юный читатель, что по-настоящему культурный человек не может злоупотреблять табаком и вином». Вывод: а просто употреблять культурный человек, значит, может...

Рассмотрим еще один вид коварства в пропаганде умеренности. Речь пойдет снова будто бы о терминах: «спиртные напитки», а также «пьянство и алкоголизм».

Было время, когда наука гадала, что такое алкоголь — пищевой продукт или нечто другое. В ту пору выражение «спиртные напитки» еще можно было понять и простить. Однако еще в конце прошлого столетия стало абсолютно точно известно, что алкоголь не просто паралитический яд, а такой яд, который возглавляет список всех ядов, парализующих нервную систему и клетки высших нервных центров. Спирт — химическое вещество, враждебное всему живому, вещество, убивающее любую живую клетку. Так что выражение «спиртные напитки» — не просто абсурд, а сознательное сокрытие от людей грозившей им опасности. В самом деле: появились над прилавком магазина надпись «мышьячные напитки» — вы подошли бы к этому прилавку, стали бы покупать эти напитки? А пока раствор алкоголя стоит на прилавке в одном ряду с молоком, квасом и другими пищевыми продуктами... Стоит, украшенный заглавающей этикеткой: «Водка русская, изготовленная из отборных сортов пшеницы».

Вот исторический факт: еще в начале века депутат Государственной думы от крестьян Самары М. Д. Чельцов предложил такой вариант этикетки на водочных бутылках: «Наукой теперь доказано, что алкоголь во всех его видах есть страшный яд, потребление его, хотя бы и в малых дозах, вызывает отравление, разрушает здоровье, понижает нравственность, материально разоряет, а главное, отражается на потомстве, ведя его к вырождению». Лев Николаевич Толстой одобрил текст этикетки и от себя лично добавил: «Вино — яд вредный и для души, и для тела. И поэтому грех и самому пить вино, и другим угощать им, а еще больший грех готовить этот яд и торговать им». А известный врач Марков внес свою поправку: «Вместо думского «яда» на этикетке для водки следует написать: 40 процентов спирта, 30 процентов чохотки и 30 процентов сифилиса. А еще, если бы это было возможным, добавить и 90 процентов нищеты».

Против таких жестких этикеток сторонники умеренности возражают: несерьезно, незастычиво, жестоко и так далее... Но ведь пишут на аптечных этикетках: яд, применять столько-то капель по назначению врача. Что тут несерьезного, жестокого, если яд — действительный яд. Вот обманывать людей, продавая отраву под

красивой этикеткой, — это в самом деле жестоко. Пьющий должен знать, что губит не только себя, но и государство, обрекая потомков своих на физическое и нравственное вымирание. Сторонники экономической выгоды от продажи спиртного не желают знать, что та выгода — мнимая. Алкоголь не развивает экономику, а, напротив, сковывает ее, вытесняя с прилавка товары. Ведь пьющий практически не имеет возможности покупать нужные вещи, а значит, при падении спроса отпадает и необходимость производить товары, улучшать их качество. Рынок сбыта — одна из экономических основ любого государства, в сущности, и войны-то идут из-за рынков сбыта. Мы же имеем огромный собственный внутренний рынок сбыта и безжалостно выжигаем его спиртом. Разве это по-хозяйски? Где тут экономическое мышление?

Нет, надо формировать общественное мнение в точном значении того, что представляет собою водка, и хватить благодущия по отношению к яду. Запомним: общественное мнение — мать будущих законов.

Именно с точки зрения формирования общественного мнения мы и ведем разоблачение лживых терминов, за которыми стоит и лживое понимание вопроса. На очереди — следующий термин: «пьянство и алкоголизм».

Здесь есть одна коварная тонкость: исподволь внушается мысль, что пьянство — это одно, а алкоголизм — другое. Мол, пьянство — это порок, дурная привычка, а вот алкоголизм — это болезнь в медицинском смысле. Ох как много кроется за этим! Но — по порядку.

Пока на алкоголь смотрели просто как на продукт распада сахара, полагали, что это тоже пищевой продукт, хоть своеобразный. Потребление алкоголя издавна называли пьянством, но считали допустимым и с морально-этической и с религиозной точки зрения. Да, передовые люди и того времени пытались бороться с пьянством, одна из вех этой борьбы — книга доктора П. С. Алексеева так и называлась: «Чем помочь великому горю. Как остановить пьянство». Заблуждение, что с пьянством можно бороться с помощью закуски, пришло к нам оттуда, из тех далеких времен, что и подтверждено одним из тезисов П. С. Алексеева: «Не ныть и горевать должны жены пьяниц, а хорошо страдать!» Однако и он в конце концов приходит к выводу: «Итак, чтобы остановить пьянство, нужно только одно: человеку, понимающему вред вина, самому не пить и не угощать им других».

Но уже к началу нашего века тайное стало явным: наука доказала, что алкоголь — протоплазматический, паралитический и наркологический яд. Вскоре после этого алкоголь был исключен из списка лекарственных препаратов, и этой акцией медицина недвусмысленно наложила на потребление алкоголя вето. Знаменитый В. М. Бехтерев писал тогда: «...не может быть даже и речи о научном одобрении так называемых малых доз алкоголя. Всем известно... что начало всегда выражается малыми дозами, которые посте-

ленно переходят в дозы все большие и большие по закону тяготения ко всем вообще наркотическим ядам...»

Вот именно с тех пор нарушение медицинского запрета на потребление алкоголя и стало называться в научной медицинской литературе алкоголизмом. И серия брошюр и плакатов стала называться так: «Борьба с пьянством (алкоголизмом)». Не просто «пьянство» и «алкоголизм». Без всякого союза «и», а просто расшифровка в скобках: пьянство есть синоним алкоголизма, одно и то же! В самом же деле: есть люди некурящие и курящие, и не важно, сколько они курят, одну сигарету в день или пачку... Нет малокурящих! Так и со спиртным: есть или трезвенники, или алкоголики, третьего не дано.

Трудно сказать, какому хитрецу пришло в голову вставить этот самый союз «и» между синонимами, но произошло это именно тогда, когда по какой-то причине годы спустя после введения «сухого закона» (впервые — в 1914 году) возникла необходимость вновь сделать потребление алкоголя в принципе допустимым. Вот тогда, когда в общественном сознании опять начало укореняться, что пьющий — это одно, а алкоголик — это другое, что есть «употребление», а есть и «злоупотребление», — тогда в том же общественном сознании и началось обратное превращение алкоголя из ядовитого наркотика в пищевой продукт...

Право же, мы недооцениваем термины и их влияние на общественное сознание! Когда стало «ясно», что пьянство — это «просто» порок, «просто» вредная привычка, а алкоголизм — это болезнь в медицинском смысле, усилия общества сразу пошли по ложному пути. С пьянством стали бороться с помощью сатиры, увещеваний, проработок и так далее. А медицина спокойно занялась лечением тех, кому сатира не помогла.

Эту нелепость видели многие, и блестящий публицист тридцатых годов Михаил Кольцов писал с возмущением: «Если алкоголизм — болезнь, как можно равнодушно относиться к активным распространителям ее и обращать свой гнев только на зараженных!» И в самом деле, где видели вы такую картину: распространители бо-

лезни получают премиальные за перевыполнение плана по заражению, а зараженным отодвигают очереди на квартиру, отодвигают отпуск, всячески наказывают и в конце концов отправляют в лечебно-трудовой профилакторий... А наркология развила бурную деятельность, посыпалась диссертации, возникали и возникают все новые наркологические пункты и различные учреждения. Народные деньги потекли рекой — целых 40 процентов средств, отпущенных на здравоохранение, идет на лечение различных отравлений и несчастных случаев, связанных с пьянством! Все еще верим, что наркология спасет от падения в алкогольную пропасть, потому и даем деньги. А между тем 85 человек из ста, находившихся на излечения в наркологии, в течение года снова начинают пить... Смеем высказать мысль: те, кто в этом народном горе склотив себе авторитет и положение в обществе, до конца будут отстаивать свои позиции, будут доказывать, что ни в коем случае нельзя убирать алкоголь из обращения, будут обвинять сторонников абсолютной трезвости в односторонности, экстремизме, идеализме, ущемлении личных свобод и прочих грехах.

Сколько раз мы уже слышали эти самые «прогрессивные» речи с трибун: одними запретительными мерами пьянство нам не одолеть! И при этом — косою взгляд в сторону сторонников запрета. И при этом — полное игнорирование того факта, что сторонники запрета вовсе не отрицают «всех прочих мероприятий», в чем пытаются их вульгарно обвинить, они просто требуют проводить эти необходимые прочие мероприятия в отсутствии бутылки, а не в присутствии оной. Ибо сторонники запрета всякую минуту твердо помнят, что только лишь в 1984 году в нашей стране по различным причинам, связанным с алкоголем, умерло около миллиона человек. Умерли под благополучное, успокаивающее бормотание о необходимости научить людей «пить культурно». И пока мы находимся в плену этих идей, пока мы пользуемся их терминологией, мы не сможем делать правильные выводы, а значит, и не сможем найти правильные пути преодоления пьянства.

Борис АГЕЕВ

МАЛА ПРИЧИНА, ДА БЕДА ВЕЛИКА

В ТОТ МАЛЫЙ, среди тысяч малых, ручей отметил в знаменитом своем «Описании земли Камчатки» Степан Крашенинников. Его экспедиция по пути следования из Верхнекамчатского острога останавливалась в 1739 году на том месте берега реки Камчатки, где впоследствии стараниями пришедших казаков, пережившихся на девушках из местного племени ительменов, обосновалось село Миль-

ково, ставшее теперь центром районного масштаба с двенадцатитысячным населением.

В прежние времена Мильково представляло собой типичное русское село, но населенное представителями смешавшихся национальностей — камчадалами, или старыми русскими, возродившимися на новой почве прежний патриархальный русский уклад жизни и принявшими в то же время ительменскую культуру. Обустроив эту землю, обжившись на ней, люди промышленно охо-